

А Л Ь Б И Н А
Н у р и

ВЫЧЕРКНУТАЯ
ИЗ ЖИЗНИ

Annotation

Сначала все было похоже на злой розыгрыш. Однажды утром Кира Кузнецова обнаружила, что ее любимые кремовые туфли неожиданно стали белыми. Но ведь она выбирала именно кремовый оттенок и не могла ошибиться! Вскоре цвет неожиданно сменила машина, а потом вдруг изменения коснулись и внешности любимого мужа. Мир стремительно менялся у нее на глазах, но никто больше этого не замечал. Кира решила, что сходит с ума, и вдруг она узнала, что Ленька, ее институтский друг, жизнерадостный и успешный парень, покончил с собой. А все потому, что перестал узнавать собственную жизнь... Но Кира не намерена была сдаваться и во чтобы то не стало хотела вернуть себе реальный мир! Пока ее окончательно не вычеркнули из него...

Альбина Нури

Вычеркнутая из жизни

© Нури А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Все началось с туфель, обычных туфель на шпильке. Кира была невысокой и потому обувь, даже домашние тапочки, предпочитала на каблук.

В то сентябрьское утро Кира Кузнецова катастрофически опаздывала на работу и носилась по квартире, судорожно выискивая то колготки, то сумку, то расческу, которые почему-то обнаруживались в самых неожиданных местах. Вроде и встала рано, и делала все быстро, но опять не хватило времени, чтобы не спеша собраться и выйти из дому вовремя.

Саша, муж Кире, на работу обычно выходил позже, он только что встал и сочувственно наблюдал за ее суетой. От предложения подвезти Кира нетерпеливо отмахнулась: какой ему смысл плестись по пробкам туда и обратно, а через час выезжать снова — уже к себе в офис, в другой конец города? Сама Кира машину не водила. Желания такого не имела и потребности не испытывала.

Отказаться-то отказалась, но от мысли, что предстоит бежать десять минут до метро, затем ждать электричку, ехать в плотной толпе таких же издерганных граждан, а потом снова бежать два квартала, настроение испортилось еще больше.

«Надо было встать в шесть часов, — ругала себя Кира, — не хватало еще опоздать на презентацию!»

Над презентацией новой линии продукции она сама и ребята из ее отдела бились целый месяц. И если Кира сегодня ее сорвет, то Генерал растерзает Киру на тонкие полоски.

Эти новые туфли были куплены именно из-за презентации. Выяснилось, что к костюму, в котором Кира планировала выступить, нечего надеть, и они с Сашей потратили половину выходного дня на поиски подходящей обуви. Кира решила, что туфли должны быть непременно кремового оттенка. Задача усложнялась тем, что размер ноги у нее непопулярный тридцать пятый. В итоге, ценой невероятных усилий и целого бака израсходованного бензина, туфельки были найдены и мирно ждали своего звездного часа.

В последнюю секунду, перед тем как выскочить наконец из квартиры, Кира раскрыла заветную коробку и приготовилась обуться.

— Ничего не понимаю, — пробормотала она, заглянув в картонные глубины. — Ерунда какая-то.

— Что такое? — спросил Саша, высовываясь из кухни с бутербродом в руке. Квартира у них не слишком большая, так что ему даже не понадобилось вставать со стула, чтобы выглянуть в прихожую.

— Мои туфли, — растерянно сказала Кира. — Как такое может быть?

— А что с ними не так? Тебе в коробку подложили лапти?

— Почти, — мрачно отозвалась она. — Саш, они же *белые*!

Саша отложил бутерброд, встал, подошел к жене. Посмотрел на туфли в Кириных руках и пожал плечами:

— Ну конечно, белые. Что тут удивительного? Или ты ждала чего-то другого?

— Чего я ждала?! А то ты не знаешь! Как будто мы не с тобой полдня носились, чтобы найти *кремовые* туфли! И купили точно кремовые, я их еще вчера вечером мерила вместе с костюмом. Неужели бы я не заметила, что это *не те* туфли?! — громко возмущалась Кира.

Саша некоторое время внимательно смотрел на жену.

— Слушай, я не понимаю, в чем дело? — неуверенно улыбаясь, произнес он. — Это что,

шутка такая? Ты протащила меня по всем магазинам, приговаривая, что обувь непременно должна быть ослепительно белого цвета! Чуть не до потолка прыгала, когда нашла именно такие туфли, а теперь уверяешь, что тебе, оказывается, хотелось кремовые!

Кира непонимающе уставилась на мужа. «Что за бред?», — подумала она. Но тут на глаза попались часы. Без пяти восемь. Разбираться в оттенках уже некогда.

— Черт, опаздываю! — Она быстро сунула ноги в туфли (*белые, почему же все-таки они белые?*), чмокнула Сашу в губы, схватила сумку, ключи, телефон и унеслась.

Времени на обдумывание обувных парадоксов не было, Кира еле-еле успела к девяти в офис. Оттуда, погрузившись в служебные машины, все участники презентации двинулись в «Алмаз-Отель», где в два часа должно было начаться мероприятие.

«Драгоценный» отель Кире не нравился — обычный претенциозный монстр из глянцевого синего стекла, блестящего металла и серого бетона. Таких в Казани в последнее время понастроили немало. Внутри тоже ничего примечательного: лениво ползущие эскалаторы, гладкие мраморные полы, зеркала, фонтаны, растения в кадках — то ли живые, то ли искусственные, — персонал с намертво приклеенными улыбками.

Провести здесь акцию стоило неоправданно дорого, но руководство «Косметик-Сити» как раз это и привлекало: пусть знают — с финансами все в порядке! Программа была обычная в таких случаях. Первый этап — встреча высоких гостей, прессы и прочих приглашенных. Далее — конференция в актовом зале: доклад генерального директора («Генерала», как его называли сотрудники), презентация новой линии, вопросы журналистов и гостей (разумеется, подходящими вопросами доверенных лиц снабдили заранее). А в завершение праздника, как водится, фуршет.

И на все про все было выделено только два часа. Пришлось как следует попотеть, чтобы все три этапа плавно, без заминок перетекали один в другой. Чтобы не проигнорировала пресса и доклад был прочитан Генералом без сучка без задоринки. Чтобы задавались правильные вопросы и диаграммы с графиками вовремя появлялись на экране. И, конечно, чтобы всем хватило раздаточного материала перед конференцией и еды на фуршете.

Кира и ее коллеги из отдела продвижения товара и связей с общественностью свою работу проделали на «отлично».

Сотрудников в их отделе было четверо: заведомом Марк Максимович Леднев, Кира, вот уже полгода как его зам, Оля Карпова и Альберт Зиннатов. Каждый отвечал за свою часть работы, а Марк Максимович — Марик — координировал. Он был отличный парень и завидный жених: тридцать шесть лет, обеспечен, на хорошем счету, к тому же добрый, компанейский, с чувством юмора.

Оленька Карпова, вечная девушка чуть за тридцать, каждый Новый год упорно загадывала под бой курантов одно и то же: чтобы Марик предложил ей сменить фамилию на Ледневу. Пока, к великому Олиному сожалению, Дед Мороз не спешил исполнять ее желание. Оля отвечала за оформление зала, раздачу подарочных пакетов, регистрацию посетителей (на этот раз ей выделили в помощь парочку длинноногих барышень из общего отдела), а еще за то, чтобы все — и овцы и волки — были сыты на фуршете.

Кира и Альберт должны были написать для Генерала удобоваримый доклад, подготовить слайды, музыкальное оформление и комментарии для презентации, придумать вышеупомянутые вопросы и проследить за тем, чтобы информация о мероприятии появилась в прессе.

Встречал и привечал собравшихся Марик, он же вел переговоры с отелем, контактил с

бухгалтерией и занимался прочими подобными делами.

Все прошло на ура, уложились минута в минуту, как и планировали. Генерал радостно улыбался и обещал отделу хорошую премию. Гости дружно хлопали его докладу и как дети радовались новой разработке концерна. «Косметик-Сити» предлагал потребителям средство для мытья посуды, чистящий порошок, гель для мытья стекол, пасту для чистки плит и стиральный порошок — все вместе это называлось «Великолепная пятерка на защите чистоты». Корреспонденты, наевшиеся на фуршете изысканных закусок под дорогое шампанское, обещали, что нехитрый слоган непременно появится в журналах и газетах. Приглашенные — а было их сто двадцать пять человек — получили в подарок «Великолепную пятерку», авторучки, блокноты и магниты на холодильник с логотипом «Косметик-Сити».

Ненадолго заглянув в офис, Кира поехала домой. Она жутко устала, но настроение было отличное. Позвонила Саше, вкратце рассказала про свои успехи и пообещала купить к ужину обожаемое ими обоими запеченное мясо, закуски из морепродуктов и вино.

Спустя часа полтора Кира, обвешанная сумками и пакетами, чертыхаясь сквозь зубы, ковырялась в замке. Соседняя дверь неслышно приоткрылась, и из квартиры напротив высунулась украшенная светлыми химическими кудрями голова соседки Наташи.

— О, Кирюха! Привет! А я слышу — возня какая-то в коридоре, думаю, что такое?

— Привет, Наташ, замок что-то заедает, никак не открою.

— Может, я попробую?

— Спасибо, лучше сумки подержи, — попросила Кира.

Наташа была замечательной соседкой: могла приглядеть за квартирой, покараулить слесаря, открыть входную дверь, если сломается домофон. Она знала поименно всех жильцов, боролась за чистоту двора и подъезда, собирала всевозможные взносы и выступала на общедомовых собраниях. Это была простая, общительная женщина с легким, открытым нравом. Работала она в автобусном депо, растила пятнадцатилетнюю дочь Марину.

Примерно год назад от Наташи ушел муж. Разрушительницей семейного счастья была разведенная дама на пять лет старше самой Наташи и старше ее тихого Костика. Новость повергла в недоумение всех жильцов дома: Медведевы казались вполне благополучной парой.

Самое обидное, что в уходе супруга незадачливая Наташка отчасти была виновата сама. Это она уговорила мужа, простого слесаря-сборщика с завода, купить компьютер. Тот поначалу сопротивлялся. Он понятия не имел о том, с какого боку этот агрегат включается и для какой надобности нужен, но жена настояла: как, скажите на милость, в наши дни без компьютера? Тем более дочь подрастает.

Костик освоил науку на удивление быстро и вскоре каждый вечер стал пропадать в виртуальном мире. Вот там-то, во Всемирной сети, и поджидала его коварная «паучиха». Начали переписываться, обмениваться фотографиями, обнаружилась какая-то невиданная доселе духовная близость. Вслед за ней — и физическая. Через четыре месяца примерный семьянин Костик заявил, что теперь у него другая жизнь, подал на развод и переехал к новой возлюбленной.

С тех пор бывший муж навестил жену и дочь всего один раз. Причем было очень заметно, что ему не терпится отправиться обратно. Вторая жена вывела его на жизненную дорогу, которую сам Костик считал доступной лишь избранным. Он ушел с завода, вместе с новой женой занялся ее бизнесом. Похорошел, расправил плечи, сделал новую прическу.

Нацепил костюм вместо вытянутого свитера. Украсил запястье дорогими часами, привык пользоваться парфюмом, обзавелся новым мобильником, получил права и сел за руль иномарки. Был Костик — стал Константин Петрович. Прежняя семья его больше не интересовала.

Смириться с предательством мужа Наташе было трудно. Но она не озлобилась, как это нередко случается, и на судьбу не жаловалась. Кира восхищалась ее стойкостью и надеялась, что скоро Наташа обязательно встретит достойного мужчину.

Наконец упрямый ключ с громким щелчком повернулся в скважине.

— Слава богу! Спасибо, Наташ! — сказала она, забирая у соседки сумки.

— Не за что, обращайся! — улыбнулась та и скрылась у себя в квартире.

Ужин удался на славу: было вкусно и весело. Кира и Саша никогда не скучали вдвоем. В этом, наверное, и был секрет их удачного брака. Поздним вечером чуть хмельная Кира вышла из душа и направилась в спальню. Ее взгляд упал на стоявшие в прихожей туфли. Наверное, просто запуталась в оттенках и собственных желаниях, пожала плечами Кира и выбросила из головы необычное происшествие.

Глава 2

Три месяца назад, третьего июня, Кире исполнилось тридцать лет. Они с Сашей отмечали это событие в кафе, пригласили самых близких людей: ее родителей, сестру Ирину с мужем Игорем и дочками Катей и Аней, Сашину маму (его отец умер два года назад) и близких друзей — Сережу и Гелю. Так уж удачно сложилось, что Кира дружила с Гелей, а Саша — с Сережей, и они вместе ездили отдыхать, отмечали праздники, постоянно встречались, перезванивались и вообще не могли прожить друг без друга дольше недели.

Праздник прошел по-настоящему тепло, радостно и шумно, совсем как в детстве. Все желали Кире счастья, а она сидела и думала, что уже счастлива. Настолько, что даже страшно. Иногда ей казалось, что все складывается чересчур безоблачно и расплата может наступить в любой момент.

В последние годы жизнь холила Киру и баловала подарками. Не закаляла, а радовала. Собственно, поводов жаловаться на судьбу у Киры не было никогда. Все близкие живы и, слава богу, здоровы. За три десятка лет не случилось практически ни одной неудачи или поражения. За исключением одного случая, о котором Кира категорически запрещала себе вспоминать.

В школе она училась хорошо и легко, была абсолютно беспроблемным ребенком. Даже переходный возраст преодолела без сложностей роста. Поступила, правда, не совсем туда, куда собиралась: недобрала баллов на факультет психологии. Но чтобы начать учиться в том же вузе на технолога, баллов как раз хватило.

Годы учебы вспоминались с удовольствием. Студенческая жизнь оказалась такой, как она и мечтала: «От сессии до сессии живут студенты весело, а сессия всего два раза в год». Да и сессии особых проблем не доставляли: пусть Кира не была блестящей студенткой, но и в «хвостах» не пугалась.

Пять лет пролетели стремительно. Окончив вуз, Кира не успела озаботиться, что теперь делать с дипломом технолога, как ей уже нашли хорошую работу. Друг отца был не последним человеком в «Косметик-Сити», и когда там решили создать отдел продвижения товара и связей с общественностью, предложил на одну из вакансий ее кандидатуру.

Знакомство, конечно, сыграло свою роль, но и без того коммуникабельная, энергичная, инициативная Кира отлично подходила для этой должности. С тех пор она и работала в «Косметик-Сити», доросла до заместителя начальника отдела. Работа ей нравилась, коллектив тоже, так что будние дни никогда не казались ей каторгой, а выход из очередного отпуска — катастрофой. Тот факт, что она получила руководящую должность, Кира восприняла почти равнодушно: честолюбие было чуждо ее натуре. Повысили — спасибо. Она совершенно не стремилась к карьерным высотам, просто считала, что если уж взялся что-то делать — делай хорошо.

Личная жизнь тоже складывалась отлично. С будущим мужем Кира познакомилась на корпоративной вечеринке. «Косметик-Сити» и компьютерная фирма «Виртуал», где трудился Саша, отмечали Новый год в одном ресторане. Кира в Золотом зале, Саша — в Серебряном. Они случайно столкнулись в холле, познакомились, обменялись телефонами. На следующий день созвонились, встретились и больше не расставались.

Прожив вместе семь счастливых лет, ни она, ни он ни разу не пожалели о своем выборе. Всегда находились новые совместные увлечения, строились планы. Не было поводов для

разочарования, ссор, ревности или взаимных упреков. Единственным, что в последнее время омрачало семейный горизонт, было отсутствие детей.

Около года назад Кира и Саша решили, что их тандему пора превратиться в трио. Однако желанная беременность не наступала. Врач-гинеколог не находила в этом ничего странного и утверждала, что поводов для беспокойства нет, тем более что оба молоды и здоровы. Вот если не получится зачать ребенка более двух лет, тогда придется задуматься. Пока же доктор советовала «отпустить ситуацию»: придет время, будут и дети.

Кира с Сашей к советам опытного человека прислушивались и старались не заикливаться на проблеме: работали, отдыхали, мечтали, развлекались. Обустроивали не так давно купленную однокомнатную квартиру. Приобрели участок за городом под строительство дома. Поменяли машину...

И все же у Саши ни о чем не беспокоиться получалось лучше. Кире «отпустить ситуацию» было сложнее, и на то у нее имелась веская причина. Как раз та самая, о которой она не разрешала себе думать — и которая в последнее время приходила на ум все чаще и чаще.

В восемнадцать лет Кира сделала аборт. Это была страшная тайна, о которой не знали ни папа с мамой, ни сестра, ни муж. Знала только Гелька — ей Кира рассказала несколько лет назад.

...В ту далекую осень она оказалась один на один со своей бедой. Ее история была одной из тысяч подобных. Кира и Саша — а, по иронии судьбы, его звали именно так — познакомились на дискотеке в День первокурсника. Кира считала себя успешной и взрослой — еще бы, студентка! Саша играючи покорила наивную, воспитанную на романах и стихах девочку. Он учился на другом факультете, на последнем курсе, был красив жгучей, яркой красотой и производил впечатление опытного мужчины. В его темно-русых волосах пряталась тонкая седая прядка, и это придавало Саше дополнительный шарм.

Они начали встречаться. Ходили в кино, на дискотеки, в ночные клубы и кафе. Саша встречал девушку после института и провожал до дома. У нее голова кружилась от счастья — первая настоящая любовь оказалась взаимной! Втайне она уже строила планы совместной жизни и робко приглядывалась к фасонам свадебных платьев.

До встречи с Сашей отношения Киры с молодыми людьми не шли дальше поцелуев. Она оставалась девственницей, и это ее совершенно не тяготило. С Сашей Кира решилась на все легко и без особых раздумий, потому что была искренне убеждена, что их отношения на всю жизнь.

О предохранении от беременности они оба как-то не подумали. Опомнилась Кира, когда заметила, что у нее задержка. Заикаясь и краснея, купила в аптеке тест на беременность. Едва дожила до пяти утра и заперлась в ванной, пока все в квартире мирно спали. Родители и не подозревали, какая трагедия происходит в жизни их малышки. Мама с папой были убеждены в ее благоразумии и полагали, что самая большая проблема девочки — успешно сдать первую сессию.

На тонкой бумажной полоске четко проявились две линии. И это было самое страшное, что увидела Кира за свою юную жизнь. Она смотрела и не верила своим глазам. Повторила тест еще раз, уже не сомневаясь, что он правильный.

Дальше все было скучно и неинтересно. Про такое теперь даже кино стараются не снимать: слишком заезженный сюжет. Будущий счастливый отец сбежал, едва узнав о «неприятности», оставив любимую разбираться со своей бедой в одиночку. Не выдержал

своего счастья. Больше Кира его никогда не видела.

О том, чтобы рожать, и речи не шло. О том, чтобы поговорить с родителями, — тоже. Свою проблему Кира решила сама, ни с кем не советуясь. Заняла денег на аборт у Эльвиры, своей институтской подруги. Зачем они понадобились, не объясняла. Но та, конечно, и без объяснений все поняла. Долг Кира отдавала несколько месяцев. Подруга не торопила: деньги у нее всегда водились.

За свою разбитую любовь Кира расплатилась сполна. И самую главную цену никакими деньгами было не измерить. Она застыла, очерствела душой. С корнем вырвала Сашу из сердца, никого из мужчин близко к себе не подпускала. Больше всего на свете ненавидела себя: свою глупую доверчивость, опрометчивость, неосторожность и безответственность. И еще жестокость — пусть и вынужденную. Вина перед ребенком, которого она не пожелала привести в этот мир, отправила обратно в небытие, всегда была с нею.

Окружающие удивлялись: такая симпатичная девушка, яркая, обаятельная, молодые люди вниманием не обделяют — а все одна. Постепенно Кира оттаивала, стала ходить на свидания. Были в ее жизни и романы. Скоротечные, не задевающие сердца. Один раз молодой человек предложил ей выйти замуж — она только посмеялась. Он обиделся и ушел.

По-настоящему Кира расцвела и перечеркнула прошлое только с Сашей. Со *своим* Сашей. «Вторым», даже мысленно, она никогда его не называла. Разве можно давать самому дорогому в жизни человеку порядковый номер?

Сейчас ее мучило лишь одно: вдруг тот давний аборт отнимет у них счастье стать родителями? Когда-то она сама, добровольно, отказалась от материнства. Что, если больше у нее не будет права стать мамой?

После странного происшествия с туфлями прошел почти месяц. Кира позабыла о нем и не вспоминала, пока не случилось еще кое-что. У Саши пропала родинка.

Буквально вчера родинка красовалась на его щеке. Кира отчетливо это помнила, потому что они занимались любовью, а потом лежали в темноте, болтали ни о чем, и Кира поцеловала мужа в щеку с этой самой родинкой — маленькой, чуть выпуклой, как зернышко гречихи. А утром родинки на месте не оказалось.

Была суббота, выходной, торопиться некуда. Саша спал, он вообще самая настоящая «сова», с нежностью думала Кира, выбираясь из постели и поправляя мужу одеяло.

Сама она проснулась примерно в половине девятого, умылась и приготовила завтрак. Было почти десять, когда Кира зашла в комнату и пропела:

— Доброе утро, сонная тетеря! Завтрак на столе.

— Ммм, — глухо промычал Саша откуда-то из-под подушки, — я уже не сплю.

— Мы хотели сегодня в кино сходить, не забыл? А потом можно еще в кафе зайти. Если, конечно, мой господин не против.

— Господин очень даже «за»! — Саша зевнул и сел в кровати. Потер лицо руками, взлохматил короткие волосы.

Вот тут-то Кира и заметила, что на его щеке нет родинки. Она изумленно уставилась на мужа. Тот, не замечая ее дикого взгляда, оделся и прошел в ванную. Она молча направилась следом. Саша спокойно умылся, потом достал щетку и выдавил зубную пасту из белого тюбика. Он не видел ничего необычного в своем облике.

— Саш, — протянула Кира, — ты ничего не замечаешь?

— Где?

— На лице.

— Брови, что ли, выщипала? — пошутил муж.

Кира шутки не поддержала.

— Не на моем лице, — нервно произнесла она. — На твоём.

— А что с ним не так? — Голос его звучал невнятно, Саша энергично чистил зубы.

— Ты что, правда ничего такого не находишь?

Саша прополоскал рот, отложил щетку и повернулся к Кире.

— Кирюх, в чем дело? По-моему, лицо как лицо.

— А твоя родинка? — не выдержала Кира. — Она же исчезла! Вчера ночью была, а сейчас ее нет.

— Где была? — Саша недоуменно смотрел на жену.

— Как где? На щеке, конечно. На правой щеке, ты что, забыл? — Кира неуверенно хихикнула. — Я ее еще «гречишкой» называла.

— Как называла?! Ты что, не выспалась? — Саша выглядел встревоженным, и это разозлило Киру.

— Да хватит! Ты что, за дуру меня держишь? У тебя всю жизнь была на щеке эта родинка! И ты, когда брился, всегда боялся ее задеть. Зачем ты делаешь вид, что впервые об этом слышишь?

— Кир, ты меня пугаешь. Я впервые слышу про какую-то родинку! У меня никогда не было родинок на лице! Никогда!

Они замолчали, настороженно глядя друг на друга. Кира круто развернулась и побежала в комнату. На комодѣ теснились фотографии: она сама, Саша, родители, сестра, племянницы, друзья. Кира схватила их с Сашей свадебный снимок, поднесла к глазам и чуть не выронила из рук.

Родинки на лице мужа действительно не было. Не было!

«Что за чертовщина? Я же точно знаю, что... Чувшь какая-то. Стоп! То туфли, то родинки. Что происходит?» Мысли бестолково крутились в голове, она никак не могла сосредоточиться.

Саша тихонько подошел и обнял ее за плечи.

— Кирюш, о чем мы спорим? — мягко произнес он и поцеловал жену в затылок. — Со стороны послушать, так просто разговор двух чокнутых: а была ли родинка?

— Да уж. Смех да и только.

— Это просто... ну, не знаю. Абсурд. Ерунда какая-то, и все.

— Ерунда, — эхом откликнулась Кира.

— Малыш, мне кажется, ты просто устала.

— Наверное. Забудь, не бери в голову, — машинально проговорила она.

Попыталась улыбнуться, но вместо этого получилась жалкая гримаса. Ей хотелось заплакать, но она понимала, что слезами напугает Сашу еще больше.

— Давай завтракать. И собираться надо, а то опоздаем на сеанс, — почти нормальным голосом сказала она.

— Давай, — поддержал ее Саша.

Кира попыталась заглушить неприятные мысли, но они хотя и отошли на второй план, но умудрялись оттуда, из глубины, отравлять ей жизнь. Раздражающее, мучительное ощущение: словно чувствуешь зуд и не можешь точно определить место, которое чешется.

Они сходили в кино, но Кира, как ни старалась, не сумела увлечься сюжетом. Только голова разболелась от грохота на экране. Потом зашли в кафе и наелись вкусностей. Кира

выпила больше, чем обычно, но и это не помогло поднять настроение. Саша ничего не замечал, а возможно, делал вид, что все в порядке. Утреннее происшествие они, не сговариваясь, обходили молчанием. Пожалуй, впервые в жизни им было немного неловко друг с другом.

В довершение всех бед Кира повздорила с матерью. Та позвонила около восьми вечера. Кира вышла с трубкой на кухню, чтобы не мешать Саше.

— Привет, Кирюша! Не помешала?

— Привет. Нет, конечно, я ничем не занята, — соврала Кира.

На самом деле ей не хотелось разговаривать. На душе было скверно, и в такие минуты она обычно отмалчивалась, уходила в себя. Исключение делалось разве что для Саши да Гельки. С этими двумя она могла общаться в любом настроении.

— Чем занимаетесь?

— Телевизор смотрим. Фильм хороший идет.

— А я просто так звоню, без повода. Хотела узнать, как у вас с Сашей дела.

— Все нормально, мам, — бодро проговорила Кира.

— А по голосу не скажешь, — проницательно заметила мать.

— Голос как голос. Я же говорю, все отлично.

— В таком случае смени, пожалуйста, тон, — строго сказала Лариса Васильевна. — Мне неприятно, когда ты грубишь.

Кира раздраженно возвела глаза к потолку. Скажите на милость, в чем она усмотрела грубость?! И без того на душе тяжело, не хватало еще начать ссориться. Разговоры с матерью частенько выводили Киру из себя. Она изо всех сил старалась сдерживаться, быть милой и приятной, но слишком часто у нее ничего не получалось. Лариса Васильевна умела мягко, но чувствительно подколоть. Настойчиво выпрашивала, отлично сознавая, что дочери это неприятно. Кира в итоге срывалась, а мать, словно только и ждала повода, тут же делала замечание, одергивала, выговаривала дочери за поведение, обижалась. Потом Кире приходилось звонить или приезжать, долго извиняться за резкость, заглаживать, искупать, просить прощения.

— Мама, я не грублю, тебе показалось. — Кира попыталась придать голосу всю возможную мягкость.

— Ладно, сменим тему, — холодно вымолвила Лариса Васильевна. — Мне сегодня тетя Соня позвонила, советовалась. Насчет Оксаночки.

Точно, беда одна не ходит. Эту самую тетю Соню — Софью Витальевну, подругу матери, — Кира терпеть не могла. Перед мысленным взором возникла знакомая физиономия: высоченный лоб, прорезанный глубокими продольными морщинами, старомодный жидкий пучок на затылке, скошенный подбородок, птичьи глаза без ресниц. Тетя Соня вечно жаловалась на жизнь и постоянно клянчила у матери деньги. Но самое главное, Софья Витальевна была самозабвенной сплетницей. Она обожала перемывать косточки всем подряд и частенько доносила матери на нее, Киру. «Ларочка, мне кажется, Кирочка курит». «Вчера видела твою Киру с мальчиком. Смотри, как бы беда не случилась!» Результатом были скандалы, упреки и долгие выяснения отношений.

— Ты меня слышишь, Кира? — требовательно позвала Лариса Васильевна. — Что молчишь?

— Я просто внимательно слушаю, мам, — ровным голосом отозвалась Кира. — Так что там насчет тети Сони?

— Да, ну вот. Оксаночка в этом году заканчивает институт.

Оксана была племянницей тети Сони. Своих детей, равно как и мужа, у нее не было.

— Ты же ее помнишь?

— Я ее никогда не видела, мама.

— Очень хорошая девочка, — веско сказала Лариса Васильевна.

«А как же! Есть в кого уродиться», — ядовито подумала Кира, но, разумеется, промолчала.

Лариса Васильевна тем временем продолжала разливаться соловьем, описывая многочисленные Оксаночкины достоинства. Почти отличница, «красный» диплом могла бы получить, но некоторые преподаватели из зависти ставили ей тройки. Усердная, старательная, прилежная. Вежливая, добрая, тихая.

— Короче, хоть икону с нее пиши, — не сдержалась Кира.

— Зачем ты так зло, дочка? — укорила мама.

— Прости, сколько можно расписывать эту Оксану! Что ты мне ее сватаешь?

Мать насупилась и замолчала. Убедилась, что извиняться дочь не собирается, и разобиделась еще сильнее.

— Я просто хотела посоветоваться, а ты...

— Ладно, мам, хватит дуться, — примирительно проговорила Кира. — О чем ты хотела посоветоваться?

Лариса Васильевна минутку помолчала, по всей видимости соображая, что предпочтительней: гордо бросить трубку или все-таки изложить суть просьбы. Выбрала второе, вздохнула и выпалила:

— Оксане нужна работа! Я обещала Соне спросить у тебя и у Саши, нет ли каких вакансий. У них самих ни связей, ни знакомых, надеяться не на кого.

Конечно, самые бедные и несчастные. Мы в курсе.

— Что она заканчивает?

— Режиссерское отделение. В институте культуры. Она мечтает ставить спектакли, это ее призвание, — совершенно серьезно ответила мама.

Здрате, приехали. Кира чуть не фыркнула, но вовремя прикусила язык.

— Мы с Сашей, вообще-то, не в театре работаем. Это так, к сведению тети Сони.

— Она знает. Но у вас, возможно, есть знакомые, — гнула свое Лариса Васильевна.

— Ты прекрасно знаешь, мама, что у нас с Сашей нет таких знакомых. — Кира почувствовала, что устала от бессмысленного, вязкого разговора. — Скорее уж они найдутся у тебя или папы: вы же заядлые театралы.

— Еще любовью к искусству меня попрекни! — патетически воскликнула мать.

— Никто тебя не попрекает! — Кира из последних сил сдерживала раздражение. И о чем только они говорят?! А ведь могла бы сидеть сейчас у Сашки под боком, телевизор смотреть. — Просто хочу, чтобы ты поняла: я ничем не могу помочь этой Оксане.

— Ты и не пытаешься! — сделала выпад Лариса Васильевна.

— Да, — взорвалась Кира, — не пытаюсь! Мне, как ни странно, дела нет до родственников тети Сони. Своих проблем выше крыши!

— Тебе никогда не нравилась тетя Соня... — завела мама.

— И, заметь, я этого не скрывала!

— ...а она тебя очень любит, — торжествующе закончила Лариса Васильевна.

«Промолчи, не нарывайся, закрой рот, сама же будешь жалеть!» — умолял инстинкт

самосохранения, но Кира его уже не слышала.

— Значит, без взаимности! — отрезала она. — Но если бы я и обожала тетю Соню, то при всем желании мы с Сашей не в состоянии трудоустроить ее племянницу в театр, как она того желает.

— Так я и знала, что к тебе лучше не обращаться! — Голос матери дрожал.

— Знала, зачем обращалась? — огрызнулась Кира.

— Ты стала очень черствая. Мне это не нравится, — оскорбленно проговорила Лариса Васильевна.

— Мне тоже многое не нравится. И я не черствая. Я честная.

— Ладно, спокойной ночи. Саше привет.

— Тебе тоже спокойной ночи. Поцелуй папу.

Они одновременно положили трубки, крайне недовольные друг другом.

Кира прекрасно знала, что за этим последует. Не впервой. Папе мать ничего не скажет: знает, что без толку. У отца невозмутимый, отрешенный характер, он предпочитает ни во что не вмешиваться.

Мама выдвинет тяжелую артиллерию: позвонит Ирине и примется жаловаться. Ира, отлично знающая мамин характер и ее феноменальную способность доводить людей до белого каления, примется успокаивать Ларису Васильевну. Затем позвонит младшей сестре, начнет успокаивать и ее. Попытается убедить помириться с матерью. Кира поупирается, посопротивляется и, разумеется, сдастся. Позвонит маме, скажет, что погорячилась. Та поломается для виду, но потом простит.

Кира вздохнула и пошла к Сашке.

Через неделю муж уехал в командировку в Екатеринбург на долгих десять дней. Вернуться обещал только к ноябрьским праздникам. Кира не любила оставаться одна, без Саши. Скучала по нему, плохо спала, тосковала, раздражалась, постоянно переживала и беспокоилась. Хорошо еще, уезжал тот нечасто: два, максимум три раза в год, и почти всегда не больше чем на неделю. А тут — такая длительная разлука. Вдобавок глубокой осенью.

Кира всей душой ненавидела октябрь и ноябрь, когда все вокруг серо, неприятно и незаконная тягучая морось так и лезет в душу. У нее всегда в это время портилось настроение, наваливалась апатия, приходилось буквально за волосы, как Мюнхаузен из болота, вытягивать саму себя из депрессивного состояния. Сашка, конечно, всегда находил способы развеять ее печаль. А без него было туго.

Утром в понедельник она посадила мужа на поезд, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не разрыдаться и не расстроить его. Саша и без того знал, что она не хочет его отпускать. Но ехать нужно: дело есть дело. «Виртуал» собирался расширяться в направлении Урала и Сибири.

Кира стойко держалась, пока поезд, постепенно набирая скорость, полз вдоль перрона. Но как только Саша исчез из поля зрения, не вытерпела и дала волю слезам. На работу сегодня к одиннадцати, Кира заранее отпросилась у Марика. Можно не спешить: сейчас только девять тридцать, а добираться до «Косметик-Сити» всего полчаса. Но, с другой стороны, что ей делать? Гулять под колючим унылым дождем? Кира поежилась и натянула капюшон. Она не признавала головных уборов, не носила ни шапок, ни беретов, ни платков, ни панам. Исключение соглашалась сделать только для капюшонов, да и то скрепя сердце.

Она медленно брела к зданию вокзала. Сашка возвратится только в следующий четверг, значит, придется провести без него не только полторы рабочие недели, но и два выходных дня. Чем заняться? Кира в очередной раз остро пожалела, что у них нет детей. Будь в семье малыши, разлука с мужем не казалась бы такой катастрофой. Всегда нашлось бы чем заняться, не мучило бы это давящее чувство одиночества.

Запиликал телефон. Кира полезла в карман — никак не могла приучить себя класть мобильник в специальное отделение сумки.

Звонила Гелька.

— Проводила? — сочувственно спросила она, не тратя времени на приветствие и прочие формальности.

— Проводила, — вздохнула Кира.

— Настроение, конечно, паршивое?

— Не то слово.

— Ты сейчас куда?

— На работу, куда еще.

— Вечером придешь к нам, — безапелляционно заявила Гелька. — Первый день самый тоскливый. Потом втянешься, время пролетит — сама не заметишь.

— Приду, — с благодарностью согласилась Кира. Она и сама подумывала напроситься в гости к Ковалевым.

— Все, тогда ждем.

Настроение пусть не намного, но улучшилось. Как все-таки здорово, что на свете есть

Гелька!

Познакомились они примерно через неделю после того, как Кира стала встречаться с Сашей: пришли к Ковалевым праздновать Рождество.

— Геля — это Ангелина? — спросила тогда Кира новую знакомую.

— Нет, это Гелена, — привычно ответила Гелька, которой абсолютно все задавали этот вопрос. — Мама хотела назвать Галиной, а папа — Еленой. В итоге нашли компромисс.

Саша Кузнецов и Серега Ковалев дружили со школы, вместе учились в университете. На третьем курсе Сергей женился на Геле, через два года родился Борька.

Серега Кире понравился, а с Гелькой они стали подругами — сразу и навсегда. Как будто ждали друг друга. Так и вышло, что под Новый год Кира нашла будущего мужа, а на Рождество — лучшую подругу. Вот и не верь после этого в чудеса! Гельку и Киру связывало нечто глубокое, сокровенное. Они никогда не лгали друг другу, не пытались быть приятными. Не стеснялись рассказывать о себе все до капли, не боялись показаться смешными и нелепыми. Сопереживали, помогали и, что самое главное, радовались друг за друга. Настоящая дружба проверяется вовсе не горем: посочувствовать несчастью может и посторонний, а успехам порадуетесь только тот, кто любит.

После того как в жизни Киры появилась Геля, прочие подруги и приятельницы постепенно отошли на второй план, перешли в разряд хороших знакомых. А многие и вовсе пропали из Кириной жизни. Она и не заметила. Такая подруга, как Геля, может быть единственной.

Гелька — удивительный человек. Порывистая, прямая, настоящая. Грубоватая в словах и суждениях, она обладала нежной и любящей душой. Возможно, ей не хватало тонкости или такта. Гелька искренне удивлялась: к чему эти китайские церемонии? Она могла забыть поздороваться, но никогда не забывала предложить помощь тому, кто в ней нуждается.

Борьке тогда было лет пять или шесть, и Ковалевы жили еще на съемной квартире, в панельной хрущобе. Гелька работала в больничной лаборатории: колола пальцы, подсчитывала СОЭ, лейкоциты и гемоглобин. Пахала и днем и ночью: на две ставки трудилась в своей клинике, подрабатывала в другой больнице. Они с Серегой изо всех сил копили на первоначальный взнос по ипотеке, Сережину зарплату откладывали, на Гелькину жили.

А тут еще варикоз вылез, она еле ходила, очень болели ноги. Плакала от боли вечерами в ванной, мужу ничего не говорила, иначе он бы страшно расстроился и запретил эти трудовые подвиги.

В тот день Гелька шла с ночной смены довольная донельзя. Экономия по итогам года оказалась на удивление внушительной, никто в их клинике такого не ожидал: обычно сотрудники получали раза в четыре меньше. По мнению всеведущей санитарки тети Паши, новый главврач, назначенный всего месяц назад, еще не успел «зажраться и оборзеть».

Сказано грубо, но верно. Их больница всегда считалась одной из лучших в городе. Платные услуги процветали, люди стремились обследоваться и поправлять здоровье именно здесь. Да и других факторов, которые позволяли «экономить», немало. Только обычно сэкономленные суммы до карманов рядовых сотрудников не доходили, диковинным образом расплзались, улетучивались, растекались ручьями и реками. А тут в кои веки (больше такого на Гелькиной памяти никогда не случалось — ни до, ни после) повезло. Поделили по совести.

Для Гельки неожиданный подарок судьбы означал, что нужную сумму они с мужем

собрали. Если к ранее накопленному прибавить премию и Серегину зарплату, как раз хватит. Можно будет уволиться со второй работы, перестать надрываться, заняться наконец-то большими ногами.

У подъезда на лавочке кучковались старушки — вечная, неотъемлемая часть городского пейзажа. Состарилась женщина, вышла на пенсию — добро пожаловать в клуб.

Поздоровавшись, Геля принялась рыться в сумке, выуживая ключи. Невольно прислушалась к разговору, тем более что сегодня голоса пенсионерок были громкими, вибрирующими от волнения.

— Вся машина в лепешку! На месте, говорят, померла. Мальчишку оставила.

— Погоди, а отец-то чё?

— А чё отец? Нету! И отродясь не имелось. Мальчишку, поди, сестрам отдадут. Или в детдом.

— Ну уж и в детдом! Их же трое девок! Сестер-то. Решат промеж себя, кому брать.

— Извините, — Геля нашла ключ от домофона, — а кто умер?

— Светка Волкова, — охотно проинформировала ее тетя Лена, соседка снизу. — Со второго этажа. У ней сынок почти как твой. Колька.

Гелька потрясенно кивнула и скрылась в подъезде. Свету она знала. Они не дружили, но хорошо по-соседски общались, разговорившись однажды, когда дети возились в песочнице. Общих тем у молодых мам полно: как спит, что ест, как привыкает к горшку. За пределы разговоров о малышах не выходили: Светка была замкнутой, закрытой.

От той же тети Лены Гелька узнала, что у нее три сестры, мать умерла несколько лет назад, отец сгинул давным-давно. Сестры — все старше Светы — повыходили замуж и жили отдельно. А Светка была невезучая. Тоже выскочила замуж сразу после школы, вскоре родила девочку. Как молодые жили, неизвестно: они снимали полдома где-то на окраине города, и свидетелей их семейной жизни не нашлось. А потом случилось ужасное: однажды ночью дом сгорел. Светкины муж и дочка погибли, выжила только она одна. Как выяснилось, в тот день они с мужем немало выпили, как, впрочем, делали и частенько до этого.

Светка еле-еле пришла в себя. Почти год провела в психиатрической лечебнице, несколько раз пыталась покончить с собой. Потом как-то оправилась, стала ходить в церковь, вернулась жить к матери. Вскоре та умерла, и Светка осталась одна. Но не сдалась и не спилась, как многие предрекали. С той страшной ночи она не выпила ни капли спиртного. Пошла работать на рынок, потом открыла свою точку. Моталась за шмотками в Москву и Турцию, выживала как могла. Родился Коля, и Светка была на седьмом небе от счастья. Жизнь наладилась.

Потом, когда дети подросли и пошли в садик, общаться Геля и Светка стали реже, но все равно улыбались друг другу при встрече, останавливались на улице поболтать. Когда Света купила машину — скромный глазастый «Матиз» — Гелька искренне радовалась за приятельницу. А теперь, получается, оба погибли: и Светка, и маленький серебристый автомобильчик.

Геля никак не могла поверить в случившееся. «А как же Колька?» — ахнула она про себя. Коля, бедный ребенок! Не задумываясь, она помчалась в Светкину квартиру.

Дверь была открыта, изнутри слышались взволнованные голоса. Какая-то женщина захлебывалась рыданиями. Гелька постучалась, но никто ее не услышал. Она тихо вошла в прихожую и нерешительно остановилась.

Немногочисленные Светкины родственники — сестры с мужьями да престарелая тетка

— обсуждали скорбные дела: где хоронить, отпевать и поминать, какой гроб заказывать, откуда взять транспорт... Денег, разумеется, не хватало: люди они были небогатые, к тому же никто не ожидал, что предстоят такие расходы. Все Светкины сбережения ушли на покупку машины.

Маленький Колька сидел тут же, сжавшись в комочек, и смотрел по сторонам круглыми от испуга, заплаканными глазами. Геля быстро оценила обстановку, прошла в комнату и предложила свою помощь. Родственники поначалу смутились и принялись отказываться: как возьмешь у чужого человека? Но в итоге, конечно, с благодарностью согласились.

Кольку Геля на время забрала к себе, и он прожил у Ковалевых до девятого дня. После мальчика взяла на воспитание младшая Светкина сестра Зоя, у которой были муж и дочка. Квартиру, где раньше жили Света с сыном, они стали сдавать.

Эту историю Кира узнала, когда как-то вечером пришла к подруге.

— И ты что, всю премию свою потратила?!

— Тихо ты! — шикнула Геля, оглянувшись на дверь. Коля и Борька играли в соседней комнате и, судя по звукам, вот-вот могли оставить Ковалевых без мебели. — Серега про премию не знает! Я ему ничего не рассказывала! И тебе бы не сказала, просто уж если успела растрепать, что ее дают, то... Я решила: легко пришло, пусть легко и уходит!

В этом была вся Гелька. Не раздумывая, отдала свои деньги, а сама еще три месяца мучилась, бегала из одной больницы в другую.

Кое-как промаявшись рабочий день (стрелки часов, разумеется, подолгу застревали на каждой минуте), Кира поехала к Ковалевым. Те жили далековато от центра, в спальном районе. Но теперь в городе появилось метро, и добраться не составило большого труда. Через сорок минут, прикупив кое-чего в местном магазинчике, Кира звонила в домофон.

Пешком поднялась на четвертый этаж: побаивалась ездить в лифте одна, после того как однажды застряла и просидела почти три часа. Гелька, разумеется, караулила возле двери.

— Ползешь? — Она звонко чмокнула подругу в щеку. Через плечо было перекинута полотенце ядовито-салатового цвета.

На Гелькиной кухне все примерно такого оттенка, от плитки до гарнитура, даже глазам больно. Исключение сделано только для бежевого кухонного уголка и белого холодильника. Попадая на кухню к Ковалевым, неподготовленные гости поначалу теряли дар речи от оглушающей яркости, жмурились, как коты на солнце, но постепенно смирились, привыкали, а некоторым начинало нравиться.

— Как отработала? — У самой Гельки сегодня был выходной.

— Нормально, — махнула рукой Кира, заходя в квартиру.

У Ковалевых было тесновато, но все равно здорово. В двухкомнатных хоромах кроме Гельки, Сереги и Борьки проживали еще два кота — Мишка и Филя, семейная пара хомяков и черепаха Люся. В большом прямоугольном аквариуме, вяло помахивая ажурными хвостами, неспешно плавали золотые рыбки. В квартире в изобилии имелось цветов, картин, фотографий, статуэток, мягких игрушек, подсвечников.

— Давай-ка мой руки и садись ужинать, — скомандовала подруга.

Кира послушно направилась в ванную, с трудом протиснувшись мимо стоявшего в прихожей второго холодильника, не так давно купленного двухметрового гиганта. Первый холодильник, старенькая «Свияга», притулился на кухне. Выкинуть его было жалко: он все-таки еще хорошо морозил, хотя и ревел мощно.

Ковалевы так и звали парочку холодильников, словно на переключке: первый и второй.

«Мам, где огурцы?» — спрашивал Серега. Они с Гелькой после рождения Борьки обращались друг к другу «мама» и «папа». «Во втором, на верхней полке», — отвечала Геля.

На кухне все было готово к ужину. Гелька — повар от бога. Салаты, супы, запеканки, голубцы, пироги, кулебяки — любое блюдо у нее получалось исключительно вкусно.

— Все, опять смерть фигуре, — обреченно вздохнула Кира, обзревая стол, до последнего сантиметра заставленный тарелками и тарелочками. Геля, похоже, опустошила оба холодильника.

— И черт с ней, с фигурой этой! Один раз живем! — лихо сказала Гелька.

— Ты что, опять соскочила? — Кира с подозрением глянула на подругу.

— Опять. Ладно, потом сброшу, — виновато отозвалась та, пряча глаза.

Похудание было неисчерпаемой темой. Геля и Кира, барышни невысокие, с аппетитными округлостями, по нынешним худосочным стандартам именовались «склонными к полноте». Подруги постоянно держали руку на пульсе: выискивали новые диеты, упражнения, средства для похудения, читали статьи модных авторов и авторитетных диетологов. Хотя, если честно, все рекомендации можно было свести к емкой фразе Майи Плисецкой: «Не жрать!» А вот как раз вкусно поесть обе любили.

Последние две недели Гелька сидела на диете по группе крови. И благополучно забросила ее, как выяснилось. Кира старалась не есть после шести и исключить сладкое. И то и другое сегодня тоже отменялось.

На кухню выкатился улыбающийся Ковалев. Они с Сашей были ровесниками: обоим по тридцать три, но Сережа выглядел намного старше из-за внушительной лысины и объемного брюшка. «Трудовая мозоль, натертая о край стола», — любил шутить он.

— Привет, Кирюха! Я на балконе возился, не слышал, как ты пришла.

— Привет!

— Вон он, худенький мой! — вскинула половник Гелька. — Везет мужикам, да, Кир? Ешь сколько хочешь — и так хорош!

— И ты хороша, мам! Просто красотка, — еще шире улыбнулся Ковалев.

— Красотка! А сами на тощих моделек пялитесь! — Гелька подбоченилась и вытаращила глаза в притворном гневе.

— Кто пялится? Я?!

Это была вопиющая несправедливость: Серега не замечал никого, кроме жены. Смуглая, черноглазая, похожая на цыганку Геля покорила его на всю жизнь, он глядел на нее теми же влюбленными глазами, что и десять лет назад.

— Хочу — и буду есть! Потолстею так потолстею, — гнула свое Гелька, — не на фигурах женитесь, а на человеке!

Человек Гелька явно мучилась совестью за сорванную «кровную» диету. Кира усмехнулась.

— Борька! Иди ужинать! — рявкнула подруга.

— Я его уже позвал, — заметил Сережа, усаживаясь за стол, — уроки доделает и придет.

— Уроки он доделает! Скажи уж, очередной уровень пройдет.

На кухне появился Борька.

— Я не играл, — не слишком убедительно запротестовал он, — я математику делал.

— Верю всякому зверю, а тебе, ежу, погожу, — проворчала Гелька. — Все в сборе, можем приступать.

Поужинали славно: болтали, смеялись, перепробовали все Гелькины шедевры. Коты

вертелись под ногами, хрустели и возились возле своих мисок. Потом мужчины разошлись по комнатам, а Кира с Гелей мыли посуду и разговаривали по душам.

Опомнилась Кира, когда на часах было уже почти девять.

— Время-то! Я побежала! А то завтра не встану.

Геля знала, что ночевать подруга не останется: Кира не любила спать в чужой кровати. Не засыпала, и все тут.

— Такси вызвать?

— Вызови.

Пока Гелька звонила, Кира красила губы. Машина подъехала быстро, и она вышла в прихожую, стала надевать куртку. Неожиданно спросила:

— Слушай, ты замечала у Сашки на лице родинку?

— Родинку? — Геля нахмурилась, припоминая. — Да вроде не помню никакой родинки.

А ты почему спрашиваешь?

— Так, неважно. — Гельке она могла рассказать все, но тут вроде и говорить было нечего.

Кира застегнула молнию на сапогах и принялась озираться в поисках сумки.

— Подожди-ка, тут у меня фотка ваша висит. — Геля показала рукой на фотографию-магнетик на втором холодильнике. — Мелковато, конечно, но видно.

Она принялась разглядывать изображение, Кира тоже вытянула шею.

Родинки не было.

— А почему ты все-таки... — начала было Гелька, но Кира перебила:

— Забудь. Такси сейчас без меня уедет. Серега, Боря, я побежала! — крикнула она в глубь квартиры.

— Пока, тетя Кира, — рассеянно отозвался из-за компьютера Борька.

Серега ничего не ответил. Он, судя по всему, был в ванной. Подруги расцеловались на прощание, и Кира бегом помчалась вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки.

— Перезвони, как доехала! — крикнула вдогонку Геля.

— Ладно!

Доехала она нормально. И сразу позвонила, как обещала. А еще позвонил из поезда Саша, и они пару минут поболтали. Засыпала Кира при желтоватом свете ночника. Оставаясь одна, никак не могла заставить себя лечь в темноте. Оживали все детские страхи, и это была еще одна причина ненавидеть Сашкины командировки.

Десять дней одиночества прошли быстро и почти безболезненно. На работе скучать не приходилось, и вечерами Кира находила занятия: разобрала древние завалы в шкафах, навела порядок в ванной, отмыла до блеска душевую кабину, перебрала домашнюю библиотеку — их с Сашей гордость. Один раз сходили в кафе с Гелькой, а в прошлую пятницу Альберт отмечал день рождения, так что домой Кира попала ближе к полуночи.

Наутро, правда, проснулась больной. «Подхватила все-таки от Оленьки!» — с досадой констатировала Кира, ощущая противное першение в горле. Карпова всю неделю чихала, шмыгала носом и глотала таблетки. Они всем отделом боялись заразиться, гнали Олю на больничный, но та упорно не шла.

— Что мне дома делать? — виновато гундосила она, тщетно пытаясь поглубже вдохнуть заложенным носом.

— Конечно, Марика-то там нет! — беззлобно поддразнивал стеснительную не по годам Оленьку Альберт. Он, как и все прочие, был в курсе сердечных дел коллеги.

«Надо же, — с тоской думала Кира, измеряя температуру старомодным градусником, — всю неделю продержалась, а на выходные — нате вам. Ну, Оленька, смотри у меня!»

Градусник показал тридцать восемь и две. Обшарив домашнюю аптечку, Кира отыскала подходящие пилюли, приготовила пару литров клюквенного морса, обложила книгами, пристроила рядом пульт от телевизора и залегла в кровать. Болеть — так со всеми удобствами.

Ближе к одиннадцати позвонила мама. После неприятного разговора про тетю Соню они помирились в точном соответствии с отработанным сценарием, несколько раз созванивались и беседовали крайне предупредительно, вежливо и ласково, как всегда бывает после ссор, когда люди ощущают свою вину и некоторое время щадят чувства друг друга.

Узнав, что дочь заболела, Лариса Васильевна захотела приехать.

— Мам, ну что ты выдумываешь? Я же не маленькая. У меня все есть, лежу, отдыхаю. Зачем тебе мучиться, ехать из своей Соколовки?

Три года назад родители продали трехкомнатную квартиру и, осуществив давнюю мечту, купили дом. Далековато, сорок километров от Казани, зато обошлось дешевле, чем в пригороде. Рядом протекала небольшая шустрая речка, в которой, на радость отцу, заядлому рыболову, водилась какая-то рыба.

Дом был крепкий, ремонта почти не требовал. К нему прилагался роскошный сад с яблонями, вишней и смородиной. Родители построили две большие теплицы, отличную баню и обнесли свое хозяйство двухметровым забором. Теперь выманить из-за него новоявленных домовладельцев было почти нереально.

— Да? Ну, как знаешь, дочка, — с едва заметным облегчением в голосе проговорила мама. Ехать в город и в самом деле у нее большого желания не было. — Саша звонил? У него все нормально?

— Нормально, каждый день звонит по скайпу, — отрапортовала Кира. — По телефону дорого получается.

— Вам сейчас хорошо. А в наше время таких штучек не было. Или письма пиши, или по межгороду разговоры заказывай.

— Как папа?

— Как всегда. Баню топить собирается, Ириша со своими обещала приехать. Я по девочкам соскучилась — сил нет. А вы с Ирой когда созванивались? — безо всякого перехода спросила Лариса Васильевна.

— На днях. Точно не помню. А что?

— Да ничего. Вы уж общайтесь, не забывайте друг друга.

— Мам, опять ты за свое! — Кира почувствовала знакомое раздражение. Переехав за город, мать решила, что дочери без чуткого родительского присмотра «утратят связь». Хотя никаких предпосылок для этих страхов не имелось.

Ира и Кира не ссорились, не конфликтовали даже в детстве, хотя особой душевной близости между ними не было. Они не всегда понимали друг друга: сказывалось различие жизненных интересов, целей и устремлений. Ира, которая была на семь лет старше сестры, занималась только домом и детьми. Вышла замуж еще в институте и сразу родила Катьку. Кое-как окончив вуз, забросила диплом в дальний ящик стола и с тех пор ни разу не доставала. Кира жила по-другому. Но это не мешало сестрам любить друг друга. Так что тревожиться Ларисе Васильевне не стоило.

— Катеньке летом поступать, — сказала мать, опять резко меняя тему, — Ириша говорит, она опять передумала. Собирается учиться на парикмахера-стилиста, на курсы хочет пойти. Вот скажи на милость, что это за работа такая — в чужих волосах ковыряться?

— Работа как работа. Все ходят в парикмахерские, и ты тоже, — машинально заметила Кира.

Бесконечные разговоры про Катькино профессиональное будущее ей порядком надоели. Старшая племянница Киры не могла похвастаться успехами в учебе и по пять раз на дню передумывала насчет поступления. То соглашалась пойти учиться в какой-нибудь вуз, на который у папы Игоря хватит средств, то наотрез отказывалась от получения высшего образования и пугала родных кулинарным или швейным училищем. Теперь вот эти курсы. По глубокому Кириному убеждению, надо было оставить девочку в покое. Летом видно будет. А сейчас Катьку слушать — только нервы портить.

— Ой, не знаю. Ириша вся извелась. А вот Анечка молодец! Олимпиаду выиграла по истории, — с гордостью сказала мама.

— Знаю, Ира говорила. Анька умничка. С ней таких проблем не будет.

— Дай-то бог. Ладно, Кирочка, лечись. Если что, сразу звони! — Лариса Васильевна торопливо свернула разговор: надо было готовиться к приезду старшей дочери.

— Пока, мам. Целую. Папе и Ирке с ее командой привет.

— Передам. Целую, моя дорогая.

«Дорогая»... Как это типично для мамы! Не «золотая», «маленькая» или «хорошая». Никогда — «зайка», «солнышко», «котенок» или «ягодка». Отношение Ларисы Васильевны к дочерям всегда отдавало некоторой прохладцей. Нет, конечно, и она и папа любили своих дочек. Помогали делать уроки, одевали с иголки, покупали дорогие игрушки, водили Киру на музыку, а Иру в художественную школу. Вывозили летом в Крым и на Золотые Пески, зимой выгуливали на каток. Постарались обеспечить им хорошее будущее. Короче говоря, делали все что положено.

Просто так сложилось, что центром их с отцом жизни были не дети, а совместные увлечения. Максим и Лариса с юности были вместе: абитуриентами познакомились в коридоре строительного института, поступили на один факультет, окончили вуз, поженились, попали по распределению в один проектный институт, где и проработали впоследствии всю

жизнь. Оба были заядлыми библиоманами, увлекались живописью и классической музыкой. Время от времени летали в Москву слушать оперу.

Кира и Ира, как и все дети, любили папу и маму. Но все больше с возрастом осознавали некоторую отстраненность родителей и привыкли отвечать им тем же: спокойной мягкой привязанностью. Иногда Кира немножко завидовала Гельке, для которой мама была одновременно лучшей подругой. Гелька рассказывала, что никогда и ничего не скрывала от мамы, советовалась и совершенно спокойно доверяла любые секреты. Правда, она умерла, когда дочери было всего восемнадцать. Геля чуть с ума не сошла от горя, и неизвестно, как бы вообще выжила, если б не познакомилась с Сергеем.

В понедельник Кира на работу не пошла. Температура спала, горло перестало болеть, но была страшная слабость, а из носа текло в три ручья. Марик быстро убедил ее остаться дома, да Кира не особенно-то и сопротивлялась.

Настроение улучшилось — Саша вернется через пару дней. В предвкушении встречи Кира успокоилась и сумела разглядеть нечто привлекательное в вынужденном одиночестве. Например, можно вечером есть в кровати конфеты и пирожные, чего Сашка категорически не приветствовал. Или сколько душе угодно смотреть по Интернету женское юмористическое шоу, которое Кира обожала, а Саша терпеть не мог.

В четверг Кира проснулась в шесть утра и больше не смогла заснуть. Душа пела: сегодня приезжает Сашка! К тому же на носу праздники. Хоть и любила Кира свою работу, но кто же откажется от лишних выходных?!

Кира выскочила из кровати и понеслась в ванную. Сегодня ей хотелось выглядеть самой-самой. Долго колдовала перед зеркалом над глазами и губами, надела приготовленное с вечера платье терракотового цвета. Все-таки оно очень удачное: что надо — подчеркивает, что не надо — скрывает. И цвет благородный. Кира критически оглядела себя: вроде придраться не к чему. Правильные черты, большие глаза необычного светло-карего оттенка, слегка вьющиеся каштановые волосы с едва заметной на солнце рыжинкой. Она с юности не меняла прическу: распускала волосы по плечам.

Встретиться и вместе пообедать, как договаривались, не получилось. Любимый муж с вокзала помчался на работу, пообещав вернуться вечером пораньше. Слегка огорчившись поначалу, Кира успокоила себя: у них еще весь вечер впереди. Да и вообще вся жизнь. Несколько часов погоды не сделают.

Кира быстро завершила текущие дела — ей сегодня все удавалось легко и играючи! — и взялась за телефон. Игорю, мужу Ирины, сегодня исполнилось сорок — надо бы поздравить. Она принялась искать нужный номер в телефонной книге, но его почему-то не оказалось. Не было вообще никаких контактов на букву «И». «Наверное, записала как-то по-другому и забыла, растяпа», — раздосадованно подумала Кира. В общем-то, в этом не было ничего удивительного: мужу сестры она звонила на мобильный от силы пару раз в год.

Перебирать огромный перечень контактов не хотелось, и Кира решила позвонить Ирине.

— Привет, Ириш!

— Привет! — откликнулась та.

— С именинником, сестренка! Хотела позвонить твоему, но у меня его номер почему-то из телефона пропал. Или просто не помню, как записала.

— Ну и ладно, все равно бы не дозвонилась. К нему вечно не пробьешься! А сегодня вообще весь день на телефоне висит! — В голосе сестры звучало едва заметное недовольство.

— Дай мне его номер, вечером еще раз попробую.

— И не думай. Они сегодня офисом гуляют в ресторане, ушел на всю ночь! —

Недовольство проступило отчетливее. — Завтра так и так к нам придете — вот и поздравите.

— Все-таки дома решили?

— Дома. Я предлагала куда-нибудь сходить. Надоело у плиты стоять. Но он говорит, в ресторане с коллегами наотмечаюсь. Не хочет казенное есть.

— Во сколько приходите?

— К трем.

— А кто будет? — поинтересовалась Кира.

— Как обычно. «Знакомые все лица». Вы с Сашей, мама с папой, его родители с тетей Верой, Сотниковы — и все. Хотя, нет, вру! Еще Валеркин друг Семен с женой из Москвы прилетит.

Сотниковых Кира знала. А вот Валерка...

— Валерка — кто это?

— Как кто? Мой муж, — после секундного молчания ответила Ирина.

— Его же Игорь зовут, — вылетело у Киры.

— Кирюша, ты так шутишь? — неуверенно хихикнула Ира.

Кира уже осознала, что с ней опять случился очередной парадокс, тот, что в одном ряду с туфлями и родинкой, но она по инерции продолжала упорствовать.

— Подожди, ты что, хочешь сказать, твоего мужа зовут Валерой?

— С утра звали. Вряд ли что-то изменилось.

Кира растерялась и не знала, как продолжить разговор. Чувствовалось, что сестра обескуражена и тоже не понимает, как ей себя вести. Но Ирина всегда была более рассудительной, поэтому решительно сказала:

— Кирюша, ты, наверное, сильно устала на работе. Я тебе давно говорю: нельзя так выматываться! Видишь, в голове что-то переключивается. Давай-ка успокойся, на обед сходи, поешь нормально.

— Ой, Ириш, я что-то сама не своя. Сегодня Сашка приехал, и я совсем как шальная. Вот и напутала! — Кира прекрасно знала, что дело не в этом, но надо было как-то выкручиваться. Не хватало еще, чтобы Ирина решила, будто у нее с головой не в порядке.

— Ну, вот видишь! — с облегчением выдохнула сестра. — Тебе надо больше отдыхать. Ладно, завтра ждем вас.

— Ага, передай наши с Сашкой поздравления... Валере, — на секунду запнулась Кира. — Все, пока, у меня тут дела.

Никаких дел, конечно, просто хотелось прекратить разговор.

— Да-да, милая, — заторопилась Ирина, — до завтра.

— Целую!

Кира положила трубку и несколько минут молча созерцала противоположную стену. Внезапно что-то решив, развернулась к компьютеру. Из-за соседнего стола встала и подошла к ней Оля. За ней — Альберт. Марик сегодня приедет только после обеда, так что в их просторном, по западному образцу разделенном стеклянными перегородками кабинете они были втроем.

— Кира, ты идешь? — позвала Оленька.

— Провозимся — народ набежит, — поддержал Альберт.

— Куда? — автоматически спросила Кира, думая о своем.

— Как это куда? Ты что, мать, заработалась? На обед! Давай скорее. — Самой большой страстью Альберта была еда, и он пританцовывал на месте от нетерпения. Голодные диеты Альберт считал святотатством.

— Вы идите. Я не пойду.

— Что значит «не пойду»? Ты же хотела! — возмутился он.

— Что-то случилось? — спросила более проницательная Оленька, внимательно глядя на Киру. Альберт мигом забыл про праздник живота и тоже встревожился.

Высокий, полный Альберт и маленькая, ниже Киры, щуплая, похожая на цыпленка Оленька забавно смотрелись вместе. В другое время Кира непременно улыбнулась бы, но сейчас ей было не до улыбок. Однако ребятам надо что-то ответить, они переживают совершенно искренне.

В их маленьком сплоченном коллективе жили по мушкетерскому принципу: один за всех, все за одного. Кира вдруг вспомнила, как однажды главбух, желчная дама с говорящей фамилией Зверева, обидела Оленьку Карпову. Звереву боялись все, Генерал и тот слегка опасался. Она могла наговорить гадостей любому и ни слова не слышала в ответ. Зверева была профессионалом высочайшего класса, и эта незаменимость обеспечивала ее непробиваемой броней.

Однажды Оленька вернулась от Зверевой в слезах. Плакала так, что пушок желтоватых волос на затылке, придававший ей дополнительное сходство с цыпленком, горестно подрагивал. Марик погладил ее по мягонькой макушке, стиснул зубы и вышел. Направился к Зверевой разбираться.

Все онемели, точно зная, что, если б дело касалось лично его, Марик ни за что не стал бы связываться. Не известно, что происходило в кабинете у главбуха, но она — невиданное дело! — через пятнадцать минут позвонила Оленьке и пробурчала что-то вроде «не хотела обидеть». Альберт и Кира с той поры еще больше заужали Марика. Оленька сильнее влюбилась (хотя куда уж больше?), а сам герой в следующем месяце по надуманному поводу остался без премии. Вот такая бухгалтерская месть. Оленька попыталась отдать ему свои деньги, но он так сердито на нее глянул, что она умолкла на полуслове и снова приготовилась заплакать. От восторга и обожания. Марик сделался для нее не просто любимым человеком, но приобрел статус божества.

Сейчас Кира сидела и смотрела на Олю и Альберта. Что она могла им сказать? Только солгать.

— Все нормально. Желудок схватило. Сейчас таблетку выпью, и пройдет.

— Точно? — хором спросили ребята.

Кира рассмеялась этой синхронности:

— Да точно, точно! Идите, наешьтесь там за троих.

— Тебе ничего не взять? — уже с порога крикнул Альберт.

— Не надо! — отказалась Кира, но сразу же передумала: — Хотя шоколадку все же купите. С орешками. Потом деньги отдам.

Кира осталась одна и вернулась к прерванному занятию. Требовалось узнать, как выглядит муж сестры, тот ли это человек, которого она знала. Кира зашла на свою страницу «ВКонтакте». Открыла фотоальбом «Моя семья». Вот Ирина, Катька, Анечка и Игорь, который почему-то оказался Валерой. Все выглядят совершенно так, как и должны. Хоть это радует. И все же — что происходит? Кира не имела ни малейшего понятия. Оставалось сделать вид, что ничего особенного. И попытаться жить как жила.

Вплоть до конца ноября больше ничего странного не происходило. Обувь не меняла цвета, а окружающие — имен и лиц. Очередной удар настиг Киру в последний день осени, когда она уже немного успокоилась, стала забывать о непонятных случаях и даже Игоря называла Валерой без запинки.

Утром тридцатого ноября они с Сашей сидели на кухне, завтракали. Саша пил кофе с творожниками и шелестел газетой, просматривая ее вполглаза. Кира не любила творожники, делала их только для Саши. Сама она доедала горячий бутерброд с сыром. Бутерброд был вкусный, но жутко калорийный, и Кира мучилась совестью. По-хорошему, надо бы зеленого чаю с сухарем попить — и привет. Но силы воли не хватало. Кира вздохнула и откусила очередной кусок.

Играло радио. Какая-то Гузель прерывающимся от волнения голосом поздравляла любимого мужа Дамира с днем их свадьбы и просила поставить для него песню «Погода в доме» в исполнении Аллы Пугачевой.

— А исполнение Ларисы Долиной ей чем не угодило? — удивилась Кира.

— Ммм? — промычал из-за газеты Саша.

— Я говорю, чем ей Долина не угодила? Это же ее песня. Я вообще не знала, что Пугачева тоже про погоду поет.

Саша отложил газету и ответил:

— Ты путаешь, Кирюха. Про погоду всю жизнь только Пугачева и пела.

Кира похолодела: вот, опять! Рано радовалась. Она поспешно встала, схватила чашку и стала мыть. Нельзя, чтобы Сашка увидел ее лицо. Пока он ничего не заметил, так пусть и дальше не замечает.

— А, ну, наверное, я перепутала, — сказала Кира, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. Слава богу, его заглушала льющаяся из крана вода.

Саша встал, тоже поставил чашку в мойку и чмокнул жену в затылок.

— Тебе простительно, ты же не их фанатка, — и пошел в комнату.

Кира домыла посуду, стараясь унять дрожь. Немного успокоившись, она тоже вышла из кухни и направилась в ванную. Сегодня Саша подбросит ее на работу, так что можно не спешить.

— Я пойду пока машину прогрею. Спускайся, — донесся из прихожей голос мужа.

— Ладно, — откликнулась Кира.

Через пятнадцать минут она вышла из подъезда и поискала глазами их «Форд-Фокус». Машины нигде не наблюдалось. Со двора, что ли, уже выехал, недоумевала Кира, озираясь по сторонам. Кто-то настойчиво сигнализировал, мешая сосредоточиться.

— Кира! Ну ты чего стоишь? Давай садись! — прокричал знакомый голос. Кира резко обернулась. Оказывается, Саша был рядом: он высунулся из машины и махал ей рукой в черной кожаной перчатке.

У Киры второй раз за утро перехватило дыхание. Так вот почему она не увидела их машину! Не глядя на номера, Кира привычно искала темно-синий автомобиль. А Саша сидел за рулем серебристо-серого «Форда».

На негнущихся ногах Кира подошла к машине и молча забралась в салон.

— Ты чего, Кирюха? Замечталась? Своих не узнаешь? — весело говорил Саша,

выруливая со двора.

Кира не могла прийти в себя и молчала.

— Что это с тобой? — уже другим, встревоженным голосом спросил муж.

— Ничего, — соврала Кира, — просто что-то зуб разболелся.

Саша принялся сочувствовать и отправлять Киру к стоматологу. Ей оставалось лишь жалобно мычать и со всем соглашаться, изображая зубную боль. Наконец Саша замолчал и сосредоточился на дороге, изредка бросая на притихшую жену встревоженные взгляды. А она все думала и думала. Спрашивала себя и не находила хоть сколько-нибудь разумных ответов.

Как машина, которая вчера была синей, за ночь могла превратиться в серебристую? И, самое главное, почему Саша принимает это как должное?! Почему он не замечает, что его любимая «ласточка» стала другой?

Возле маленького магазинчика Саша вышел из машины купить сигареты. Кира быстро достала из бардачка документы на «Форд». И чуть не застонала: дело не в Саше, а в ней, в Кире. По документам цвет автомобиля значился именно серебристый. Кира поспешно запихнула бумаги обратно: Саша уже выбежал из магазина, на ходу открывая пачку. Курил он немного, но бросить никак не мог.

И машина, и еще эта песня. У Киры было впечатление, что она выпала из реального мира. «Скоро начну бояться разговаривать — как бы не сморозить какую-нибудь глупость. Господи, — взмолилась она, — быстрее бы закончился этот день, и чтобы больше уже ничего не произошло».

Хотелось поскорее вернуться домой, залезть под душ и включить воду погорячее. Пусть смывает все плохое и страшное.

...Кира зря волновалась: день закончился нормально. И все последующие тоже обошлись без сюрпризов. Однако перешагнуть и жить дальше теперь уже не получалось. Она поняла, что все так просто не закончится, и постоянно жила в ожидании очередного загадочного происшествия.

Обычно разговорчивая и общительная, Кира стала молчаливой и замкнутой. В ней появились зажатость и скованность. Она ловила себя на мысли, что напряженно приглядывается к окружающим, вслушивается в их разговоры, словно ожидая подвоха и готовясь среагировать. Ей хотелось затаиться, спрятаться, не привлекать к себе внимания. Только один раз в жизни Кира пребывала в похожем состоянии.

Ей было тринадцать лет, когда она попала в совершенно идиотскую ситуацию. Кира была дежурной по классу. Протереть доску, подоконники, полить цветы, подмести и вымыть полы — невелика забота. Дежурила она не одна, с ней вместе в классе остались убираться ее соседка по парте Лилька Калмыкова и мальчики Стас Васильев и Алеша Туманов.

В Леху Кира была влюблена до потери сознания. Любовалась им украдкой, ночами строчила в дневник стихи и часами анализировала каждое слово, обращенное к ней. Даже если он просто говорил: «Матвеева, ты алгебру сделала?»

То, что они вместе остались после уроков, было невиданным счастьем. Кира изо всех сил старалась показать, что до Лехи ей нет никакого дела, обзывала его дураком, хихикала с Лилькой, — словом, всячески выражала симпатию в полном соответствии с кодексом подросткового поведения. К слову сказать, Леха вел себя примерно так же. Обмирая от счастья, Кира догадывалась, что тоже ему нравится.

Уборка затянулась — расходиться по домам никому не хотелось. Похоже, Лилька со

Стасом испытывали друг к другу схожие чувства, так что тоже наслаждались моментом. Время шло к четырем часам, уроки давно закончились, в школе было тихо и почти пусто.

И как ни тяни, а заканчивать уборку надо. Оставалось вымыть полы, кто-то из мальчишек отправился с ведром в туалет — набрать воды. Однако в мужском туалете воды не оказалось: как обычно, сломался кран. Тогда Кира легко подхватила зеленое пластиковое ведро и отправилась в туалет для девочек. Стремительно распахнула дверь и застыла на пороге. В туалете была учительница географии Елена Борисовна.

В общем-то, учителя тоже люди. Ничего особенного.

Пикантность ситуации заключалась в том, что ниже пояса на учительнице были надеты только трусы. Да не какие-то там трикотажные, скромные, приличествующие солидной даме сильно за сорок, а красные, кружевные, крошечные, жутко вульгарные. Строгий серый пиджак, белая блузка — и ни колготок, ни юбки, только это вызывающее безобразие.

Что она делала в таком виде в туалете, так и осталось загадкой для Киры. На самом деле, скорее всего, никакой тайны и не было. Мало ли что у человека могло случиться. А уж что касается нижнего белья, то каждый волен выбирать его (как и все прочее!) по своему вкусу — и вкусы эти не обязательно должны совпадать.

Но сам факт, что ученица застала ее в туалете в непотребном виде, привел учительницу в бешенство.

Растерянная девочка и ошеломленная ее внезапным появлением географичка застыли друг против друга. Первой опомнилась злополучная Елена Борисовна. Она покрылась бордовыми пятнами и прошипела:

— А ну, пошла вон отсюда!

Ее нелепый и в то же время устрашающий вид, искаженное злобой лицо надолго врезались Кире в память. Она попятилась, выскочила из туалета и захлопнула за собой дверь. Дальнейшее помнила смутно.

В памяти осталось лишь то, как она несколько месяцев после того случая ходила по коридорам с опаской — боялась встретить Елену Борисовну. Слава богу, у их класса та не преподавала, а то Кира, наверное, вовсе перестала бы ходить в школу. Чего она так страшилась? Кира и сама толком не понимала. Но видеть географичку ей было неловко и мучительно. Стыдно.

Скорее всего, примерно те же чувства терзали и несчастную Елену Борисовну: она боялась услышать за своей спиной шепот, насмешки, хихиканье, сплетни. Разумеется, Кира никому ничего и не думала говорить, но откуда было про то знать географичке? Их обоюдные мучения закончились через полгода, когда Елена Борисовна уволилась.

Однако сам эпизод и противное послевкусие остались с Кирой на всю жизнь.

И тогда и сейчас она не была ни в чем виновата, но чувствовала себя едва ли не преступницей. Не понимала, что происходит, но против воли возлагала на себя ответственность за все.

Само собой, Саша быстро заметил ее состояние. Кира часто ловила на себе его напряженный взгляд. Он тихонько наблюдал за женой и отводил глаза, как только она это замечала. Однажды они сильно поссорились из-за пустяка, чего раньше не бывало, и наговорили друг другу обидных слов. Саша кричал, что она отдалилась, стала холодной и чужой, что им неуютно вместе и он постоянно чувствует себя лишним в ее жизни. Кира обвиняла его — совершенно несправедливо, и сама это понимала! — в равнодушии и черствости.

Она сознавала, что ведет себя странно. Видела: Саша переживает и мучается. Но что она могла поделать? Рассказать мужу, что почему-то перестала узнавать привычные лица, имена, вещи? Страшно было даже представить себе его реакцию: испуганное лицо, жалость, опасение во взгляде. Уж лучше хранить молчание.

Ситуация накалилась. Напряжение возросло до предела. Кира настолько устала ждать очередного происшествия, что уже почти хотела, чтобы оно случилось побыстрее. Как говорится, отмучилась бы. И все же, когда это произошло, жутко перепугалась.

Была середина декабря. Близился Новый год. Накануне Кира и Оля украсили кабинет мишурой и гирляндами, развесили блестящие звездочки и шарики, наклеили снежинки на окна — красота! Дело было вечером, и делать действительно было нечего. Рабочий день заканчивался.

Ребята живо обсуждали планы на новогодние каникулы. Кира прислушивалась и, по сложившейся недавно привычке, помалкивала. Марик собирался в Болгарию, кататься на лыжах. По тоскующему взгляду Оленьки было видно, что она охотно отдала бы десять лет жизни, только бы оказаться там вместе с ним. Но в перспективе, к сожалению, маячили только изрядно поднадоевшая компания родственников, мамыны пироги и оливье, выход к елке за полночь и просмотр телевизора.

— Интересно, в этом году покажут «Иронию судьбы»? — На самом деле Оленьке это было совсем не интересно, просто надо было сменить тему, чтобы не расплакаться.

— Хоть какой-нибудь канал да покажет, — убежденно сказал Альберт. — А то и Новый год не Новый год.

— Между прочим, классный фильм. Я вообще Рязанова люблю, — рискнула Кира поддержать разговор. Вроде бы ничего опасного не предвиделось.

— Режиссура — режиссурой, конечно, но все дело в актерах. Правильно подобрал — успех обеспечен. А если артист играть не умеет, то любой фильм запрет, — заявил Альберт. Он почти лежал в своем кресле, которое натужно скрипело под его немалым весом.

— В «Иронии» попадание стопроцентное — что Брыльска, что Миронов, — рассеянно заметил Марик, не отрывая глаз от монитора.

Киру толкнуло изнутри — вот, начинается! Миронов вместо Мягкова! Абсурд!

Одной из самых любимых книг Киры, можно сказать, настольной книгой были «Неподведенные итоги» Эльдара Рязанова. Кира перечитывала ее раз двадцать, помнила чуть ли не постранично. Так вот, там черным по белому написано, что Миронов очень хотел получить роль Жени Лукашина и даже пробовался, но режиссер отказал. «Веры в актерскую убедительность не возникало... Несмотря на все его актерское мастерство... сущность артиста расходилась с образом, со словами. Стеснительность искусно изображалась, но поверить в любовные неудачи персонажа было трудно, — писал Рязанов. — Невозможно поверить, когда такой яркий парень, опустив глаза, мямлит, что его, мол, девушки не любят».

А тут выясняется, что Миронов роль получил! Не прислушиваясь больше к разговору, Кира полезла в Интернет. Так и есть. В главных ролях всенародно любимого фильма — Барбара Брыльска и Андрей Миронов.

Кира задала в поисковике «Андрей Мягков». Пробежала глазами фильмографию. Ну что ж, хотя бы в «Гараже» и «Служебном романе» он играет.

— Кира! Кир! Ты с нами? — Марик, судя по всему, уже давно звал ее.

— Что? Я просто читала, — неловко оправдалась она.

— Ну-ну. Домой, говорю, собираешься? Или с ночевкой решила остаться?

На часах было почти шесть. Стояли морозы, и Саша каждый день забирал Киру с работы, чтобы не мерзла в дороге. Он ехал к ней чуть ли не через весь город, это было страшно неудобно, и обычно Кира отказывалась: на метро быстрее получается, а пробежаться до станции — полезно. Но в такой собачий холод она, конечно, и не думала возражать. Наверное, Сашка уже стоит у подъезда.

Кира почти привыкла к новому светлому цвету их «Форда». Натягивая короткое полупальто, она услышала телефонный звонок.

— Да, — пропыхтела она, прижав телефон к уху и застегивая пуговицы. Полностью одетая Оля подкрашивала губы возле большого зеркала. Альберт умчался — они с другом собирались сегодня попить пива в недавно открывшемся кабачке «Большая кружка». Марик ждал девушек возле двери.

— Кирочка? — раздался в трубке незнакомый напряженный голос. — Это ты?

— Да, — ответила Кира. Она наконец-то справилась с пуговицами, подхватила сумку и направилась к выходу, мельком глянув в зеркало. «Не буду надевать капюшон — до машины две минуты. Ничего, добегу, не замерзну».

— Кирочка, ты меня не узнаешь? Это Елена Тимофеевна.

В коридоре было полно народу, все спешили к лифтам и громко переговаривались на ходу. Кира все никак не могла сосредоточиться на телефонном разговоре и решила спуститься по лестнице. Там никого нет — можно побеседовать спокойно.

— Минуточку, пожалуйста, — проговорила она в трубку и, отведя ее от уха, попрощалась со своими: — Ребята, пока! Я пешком пойду.

Она красноречиво показала глазами на телефон в руке.

— Давай, — понимающе кивнул Марик. — До завтра.

— Пока, Кирюша, — радостно ответила Оленька. Она надеялась, что сегодня обожаемый шеф предложит подвезти ее до дома — мороз все-таки, а Марик такой добрый.

Кира оказалась на лестнице. Здесь было тихо, только звонкий перестук ее каблуков.

— Извините, было очень шумно. Пожалуйста, скажите еще раз, кто говорит?

— Ничего-ничего, я понимаю, Кирочка. — Голос завибрировал и надломился. — Это мама Лени Казакова тебя беспокоит.

— Ой, простите, что я вас сразу не узнала, Елена Тимофеевна! Что-то случилось?

— Случилось, Кирочка. Ленечка... — Елена Тимофеевна замолчала, явно пытаясь справиться со слезами.

— Что с Леной?

— Ленечка умер.

— Как умер?! — закричала Кира. — Когда?

— Вчера вечером. Точнее, ночью. — Елена Тимофеевна постаралась взять себя в руки. — Похороны завтра. Вынос будет в одиннадцать, подходи, если сможешь.

— Конечно, — поспешно проговорила Кира. — А может, я сегодня приду? Вам что-нибудь нужно? Помочь...

— Нет, Кира, — перебила Елена Тимофеевна. — Ничего не нужно. Ты просто приходи попрощаться. И ребятам вашим передай, я телефон только твой сумела найти. Скажи, кому считаешь нужным. Пусть тоже придут, если захотят.

— А... как он умер? Он что, болел? — Кира чувствовала острую вину за то, что Ленке, вероятно, требовалась помощь, а она оказалась в стороне.

— Нет, это был... несчастный случай.

— Леня попал в аварию?

Елена Тимофеевна замялась.

— Ну, ты все равно узнаешь. Расскажут люди добрые. — Голос женщины опять опасно задрожал. — Он покончил с собой.

— Ленька? Покончил с собой? Это же невозможно, — потрясенно прошептала Кира. — Он не мог, это ошибка какая-то.

— Никакой ошибки, Кира. — Голос Лениной матери зазвучал глухо и безжизненно. — Он повесился в своей комнате.

Она, не прощаясь, положила трубку.

Оторопевшая Кира стояла, прислонившись спиной к холодной стене, и слушала дробь коротких гудков.

Телефон снова ожил — звонил Сашка.

— Кир, ты где? Ваши все уже вышли.

— Иду, — коротко отозвалась она.

Через пару минут Кира сидела в машине. В двух словах поведала мужу о случившемся, предупредила по телефону Марика, что завтра придет только после обеда, и свернулась в комочек, припав к окну.

Саша сочувственно молчал, но подлинного горя не испытывал, да и с чего бы? Несчастливого самоубийцу Леню он, конечно, знал, но и только. Это был, в сущности, чужой ему человек. Общались они от случая к случаю.

Кира провалилась в воспоминания. Она не замечала, что плачет.

С Ленькой Казаковым Кира училась в одной группе. Они дружили с первого курса до окончания института. Потом, как это часто бывает, жизнь развела. Ленька четыре года жил в Самаре, потом вернулся. Женился, развелся. Но из виду друг друга не теряли, продолжали изредка общаться, всегда с удовольствием встречались.

Казаков был своеобразный, с присущим только ему видением мира. Можно сказать, большой оригинал. Странно шутил, необычно одевался. Внешне он напоминал Кире олененка из мультика: хрупкий, худой, какой-то беззащитный, с огромными карими глазами, которые смотрели на мир с детским удивлением.

Искренний, порядочный и честный «до идиотизма», как сказала однажды другая их однокурсница, Света Яковлева. Ленька был хронически неспособен юлить, приспособливаться, врать. Даже списать на экзамене — и то не мог. Если не знал, получал свою пару и спокойно шел пересдавать.

Однажды осадил преподавателя по философии Татьяну Вадимовну. Та обожала поиздеваться над студентами, в особенности над студентками: высмеивала их речь, манеру говорить, постоянно указывала на необразованность, глупость, бесперспективность. Девчонки боялись «Ведьму» до обморока.

И вот на одном из семинаров, когда Татьяна Вадимовна в очередной раз завела свой уничижительный монолог в адрес и без того затюканной Гали Пестрецовой, Ленька встал и сказал, что такое поведение отвратительно. Что унижать человека — низко. И что больше он, Ленька, уважать Татьяну Вадимовну не может. Неизвестно, так ли уж нужно было «Ведьме» уважение студента Казакова, но философию бедный Ленька сдавал раз пять, хотя знал ее блестяще. Едва ли не лучше самой преподавательницы. В итоге сдал заведующему кафедрой Марку Иосифовичу Геллеру и получил приглашение выступить на студенческой научной конференции.

Геллер даже предложил Лене писать курсовую под собственным руководством, что вообще-то было неслыханно. Уважаемый профессор обычно никому такой чести не оказывал.

Вот такой он был, Ленька. Дружила с ним не только Кира: за пять лет учебы сложилась неразлучная пятерка: Леня, Кира, Миля Рахманова, Эльвира Яруллина и Денис Грачев. Вместе на лекциях, семинарах, в походах, на дискотеке, в библиотеке. Сейчас, вспоминая о тех славных временах, о том, какие они были дружные, Кира удивлялась, насколько легко они разошлись в разные стороны, отделились друг от друга и окунулись каждый в свою жизнь. Их дружба выцвела, выродилась, сжалась до убогих формальных телефонных звонков по праздникам.

И вот произошло непоправимое — Ленька умер. Не просто умер, а сам решил перестать жить. Значит, ему было плохо, невыносимо плохо. Он носил в своей душе какую-то страшную тяжесть. А они даже не знали об этом. И ничем не помогли.

— Кира, мы приехали, — осторожно произнес Саша, прерывая ее невеселые размышления.

Кира неуклюже выбралась из машины. Ветер сразу обжег лицо, принялся покусывать щеки и нос. Пискнула сигнализация, хлопнула дверь подъезда, загудел лифт. Привычные звуки — звуки самой обычной жизни, которые навсегда умолкли для несчастного Леньки.

Дома Кира на автомате готовила ужин, мыла посуду, чистила плиту, сортировала и закидывала в стиральную машину грязное белье. И думала, думала...

В последний раз она видела Леню этим летом, в начале августа. Они в кои-то веки сумели собраться впятером. Все жили в одном городе, только Миля с мужем — в поселке под Казанью. Ходили в одни и те же магазины, кафе, кинотеатры, рестораны, но пересекались крайне редко. Больше по телефону слышались.

А тут созвонились и твердо решили: все, встречаемся и едем вспоминать молодость. Отговорки не принимаются! Все должно быть как раньше, то есть только впятером. Никаких жен и мужей — тесной студенческой компанией.

Инициатором была Миля, самая среди них активная и организованная. Всех обзвонила, назначила дату. Оставалось решить, куда ехать. Идти в ресторан и «тупо обжираться», как выразилась Миля, не интересно. Лучше выехать за город. И чтоб непременно с ночевкой — гулять так гулять!

Место выбрали совершенно случайно. В июле Кира наткнулась на Леньку на Казанской ярмарке. Проходила какая-то очередная выставка, и многие предприятия, в том числе и «Косметик-Сити», демонстрировали свои производственные достижения. Кира с Оленькой стояли возле стенда своей компании, а Ленька шел мимо. Увидели друг друга, удивились, обрадовались, разговорились.

Казаков был на выставке не один, а рука об руку с какой-то нереально красивой зеленоглазой шатенкой. Из тех, чьей красоте даже завидовать глупо — остается только восхищаться. Ленька представил девушку как свою коллегу по фирме «Калифорния» и сообщил, что они здесь тоже по работе. Имя красоты вылетело у Киры из головы. Алина? Альбина? Регина? Карина? Вроде бы что-то созвучное.

Поскольку все пятеро бывших сокурсников в последнее время постоянно созванивались и обсуждали, куда ехать отдыхать, то и тут Кира с Леной вернулись к этой теме. Она сообщила, что вчера звонил Денис, предлагал какой-то навороченный загородный клуб. Ленька недовольно скривился. Так ни до чего и не договорившись, они распрощались.

А уже на следующий день Леня позвонил и ликующим голосом объявил, что знает, куда им поехать. Как выяснилось, идею подкинула красавица-коллега с незапомнившимся именем. Она рассказала Лене про отличное место: чистый воздух, нетронутая природа, красивейшее озеро. И никаких туристов в радиусе нескольких километров! Короче, езжайте — не пожалеете. Кира дипломатично сказала, что это было бы здорово. Но Ленька идеей поездки в нетронутый край загорелся не на шутку и в итоге всех ею зажег.

Кира забыла, как называлось это местечко, но оно и вправду оказалось потрясающе живописным. И ехать недалеко, всего пару часов на машине, уверял Ленька, сверяясь с картой. За рулем сидел Денис, у него была как раз подходящая машина — внушительный черный джип «Гранд Чероки». Солидный и большой, как троллейбус.

Выехали они рано утром. Добрались быстро. И общались, вопреки смутным Кириным опасениям, легко и свободно: веселились, болтали, хохотали, подтрунивали друг над другом, как будто и не расставались никогда. Словно и не было прошедших лет.

Все они, конечно, изменились. Денис немного поправился, но это ему шло. Такой стал статусный мужчина, важный и серьезный. Положение обязывало: он давно занялся бизнесом и сейчас возглавлял собственную фирму. Поначалу старался не выходить из образа большого начальника, но потом сбросил прилипшую за годы личину, включился в общую болтовню и прямо на глазах превратился в прежнего беззаботного Дэна.

Миля, все такая же юркая, веснушчатая, худенькая, была мамой двух дочек, жила с мужем в Аракчеевке, упоенно занималась детьми, огородом, домом, да вдобавок успевала шить на заказ.

Элка, самая эффектная из трех девчонок, замуж так и не вышла, хотя жила с каким-то художником в очередном гражданском браке. Элку традиционно влекли творческие личности, которых она поначалу именовала «гениями», а к концу романа — «ничтожествами». Судя по всему, сейчас ее «замужество» пребывало в срединной стадии. Гением она Анатолия величать уже перестала, но ничтожеством звать еще не начала. Кира с грустью отметила про себя, что Элка, похоже, все так же любит «покуражиться» и частые гулянки с возлияниями уже оставили на ее красивом лице заметные следы. Она курила сигарету за сигаретой и хрипловато хохотала.

В лесу у озера они провели замечательный день и вечер. Купались, загорали, жарили неизменные шашлыки, пили красное вино и коньяк. Пели студенческие песни, Ленька притащил гитару. С удовольствием фотографировались. Бродили по лесу, даже набрали каких-то грибов. Правда, поскольку никто в грибах не разбирался, их пришлось выбросить.

Все прошло отлично — домой ехали довольные. Целовались-обнимались на прощание и клялись в вечной дружбе. Были уверены, что теперь станут видеться каждую неделю. В крайнем случае каждый месяц, не реже. Первое время и в самом деле перезванивались, общались по Интернету, выкладывали фотографии, увлеченно их комментировали. А потом...

Как и следовало ожидать, постепенно интерес угас, звонки стали редкими и вовсе прекратились, затянули привычные дела и заботы. В этой, сегодняшней, жизни друзей ничего не связывало, кроме общего прошлого. И только фотографии напоминали о том сказочном дне, когда они словно вернулись на десятилетие назад. Кира виновато думала, что совершенно не скучает по ребятам. А потом перестала мучиться угрызениями совести: ничего тут не поделаешь и никто ни в чем не виноват, просто в одну реку нельзя войти дважды.

Сейчас Кира смотрела на телефонную трубку и вспоминала тот день. Нужно было позвонить Денису, Элке и Миле, рассказать про Леню. Она собралась с силами и набрала Денискин номер.

Денис Грачев откликнулся сразу же.

— У аппарата! — невнятно произнес он хрипловатым басом.

Спит, что ли?

— Денечка, привет. Это я, Кира.

На том конце провода повисло молчание.

— К-какая К-кира?

— Кира Кузнецова. Ну, Матвеева. Вспомнил?

Денис опять замолчал.

— Эй, — нетерпеливо позвала Кира, — ты что, уснул?

— Нет, — встрепенулся голос, — извини, Кирюх. Просто мы тут... маленько отметили.

Так он пьян, дошло наконец до Киры. Она досадливо поморщилась — как не вовремя!

Объяснять нетрезвому человеку про Ленкину трагедию не хотелось. Но выхода не было.

— Денис, я звоню сказать, что с нашим Леней несчастье. Ты понимаешь?

— Конечно, — немедленно отозвался Дэн, видимо, изо всех сил пытаюсь взять себя в руки.

— Он умер. Покончил с собой. Завтра в одиннадцать похороны.

Денис молчал. Никакой реакции. Кира раздраженно подула в трубку — может, связь прервалась?

— Денис! — громко позвала она. — Ты меня слышишь?

Неожиданно тишину разорвал резкий женский голос.

— Денька! Очнись! Опять нажрался, сволочь! Чтоб ты сдох!

Кира слушала и не верила своим ушам. Респектабельный Денис на дорогушем джипе — и пьющий, опустившийся человек, на которого орет жена, никак не хотели связываться в ее сознании в один образ.

Послышалась какая-то возня, потом женщина требовательно проговорила в трубку:

— С кем я говорю?

— Добрый вечер. Меня зовут Кира Кузнецова. Мы с вашим мужем вместе учились в институте.

— Это с вами, что ли, он летом ездил? — Голос женщины звучал нервозно и отрывисто.

— Да. С нами еще трое ребят было. И я звоню сказать, что один из них вчера скончался. Леня Казаков.

— Ясно, — без тени сочувствия ответила Денискина жена.

— Вы, пожалуйста, передайте Денису, когда он будет... — Кира замялась, подбирая слово, — в состоянии. Похороны завтра, вынос в одиннадцать. Он знает, где Леня живет. Жил.

— Передам, как проспится, — пообещала жена.

— Спасибо. До свидания.

— Пожалуйста. — Женщина бросила трубку.

Кира сидела расстроенная и растерянная. Мир сошел с ума. Леня умер. Дэн превратился в алкоголика. Что дальше?

В кухню заглянул Саша.

— Кирюш, все нормально? — обеспокоенно спросил он.

— Да, все хорошо.

— Будешь кино смотреть? Я скачал «Заложницу». Помнишь, мы собирались посмотреть? Интересный фильм.

— Нет, Саш, что-то не хочется. Мне еще позвонить надо. Может, потом.

— Ладно, я пока почитаю, — покорно ответил Саша и прикрыл за собой дверь. Какой он все-таки хороший, понимающий. Что бы она без него делала?

Кира вздохнула и позвонила Миле на сотовый, городского не знала. Механический голос уведомил, что номер не обслуживается. «Ладно, перезвоню позже», — решила она и набрала Элкин номер. Если и эта пьяна... Но боялась Кира напрасно. Эля откликнулась сразу же и была совершенно трезвой.

— Да, слушаю. — Голос звучал странно. Настороженно и вместе с тем робко.

— Элочка, привет, это Кира.

— А, привет, Кирюха! — Теперь в голосе слышалось облегчение.

— Мне сегодня мама Ленкина звонила. Сказала... в общем, Леня вчера умер.

— Как так — умер?

— Покончил с собой.

— Покончил... А что он сделал? — странно, но скорби и потрясения в интонациях не было. Скорее, какой-то неприличный интерес.

— Я не знаю. Не спросила. Как-то не до того было, — холодно ответила Кира, не желая сейчас это обсуждать. — Похороны завтра. Если сможешь, подходи к одиннадцати.

Эльвира молчала и шумно дышала в трубку.

— Эля, ты меня слышишь?

— Слышу. Приду.

Было в их разговоре что-то странное. Кто-кто, но Эльвира точно не могла подобным образом отреагировать на смерть друга юности. Кира ждала, что ей придется долго успокаивать подружку, утешать, советовать принять валерьянки, плакать вместе с ней в три ручья. И только вот этого — отчужденности, холода, вроде бы даже равнодушия — она никак не ожидала.

Эльвира, которая терпеть не могла своего имени и всем велела называть ее только Элей или лучше Элкой, всегда была чересчур эмоциональна. И ничего не умела скрывать, хотя часто ей это вредило. Иногда люди, которые плохо знали Элку, обижались на прямоту ее суждений и откровенность. А она не понимала: как можно иначе?

Ходить с Элкой в кино или в театр мог только человек с железной выдержкой. То хохочет на весь зал, как чумная, то рыдает, никого не стесняясь. Такой отзывчивый и благодарный зритель — мечта любого режиссера. Но сидеть с ним рядом в зале — суровое испытание. По лицу Элки можно читать, как по листу бумаги. Все чувства — вот они, напоказ. Любит, ненавидит, презирает, уважает — все с разбегу и в лоб. Началась любовь — весь институт знает. Закончилась — тоже. Правда, чужие тайны Эля хранить умела. Но своих собственных не имела вовсе.

Слыша ее голос по телефону, Кира недоумевала: неужели это она, безбашенная, искренняя, смешливая Элка?

— Эля, — снова неуверенно позвала Кира, — у тебя что-то случилось? Как твой художник?

— Художник? Какой еще... А-а-а, ты про это ничтожество? Не знаю и знать не хочу!

Вот все и выяснилось. Элка просто в стадии разрыва отношений. Прощай, любовь, —

здравствуй, депрессия! Наверное, еще не вполне осознала, что ей сказала Кира.

— Ладно. Завтра увидимся.

— Подожди, подожди, — поспешно закричала Эля, — ты нашим звонила?

— Звонила, — вздохнула Кира. — У Мили телефон отключен. Дэн пьяный, я все его жене передала.

— Дэн пьяный? — В голосе Элки прорезались прежние живые эмоции.

— Сама удивляюсь. Миле попробую позже позвонить. Ты тоже звони — вдруг дозвонишься.

Кира устала. От диалога с женой Дениса, от непонятного разговора с Элей, от необходимости несколько раз произносить страшные слова про Леню — вообще от всего. Хотелось отключить телефон и принять ванну. Не душ, а именно ванну. И пены побольше. Но они с Сашей два года назад установили душевую кабину.

— Пока. — Эля снова забралась в свой кокон. — До завтра.

Кира побрела в ванную. Сняла с лица косметику. Включила воду погорячее и забралась внутрь кабины. Согреться никак не удавалось, она мелко дрожала под струями горячей воды. Может, простыла, температура поднимается?.. Однако дело было не в болезни, и Кира отлично это понимала. Что-то чудное происходило в жизни: с ней самой, с друзьями. Но думать об этом сейчас не было сил.

Перед тем как лечь, Кира еще несколько раз безрезультатно набирала номер Мили. Уехала, что ли, куда-то? Конечно, никакой фильм так и не посмотрела: не смогла сосредоточиться на сюжете и в конце концов заснула где-то на середине, уткнувшись носом мужу в плечо. Хотя, кажется, фильм был стоящий: Саша смотрел увлеченно.

Проснулась уже глубокой ночью. Телевизор был давно выключен, Сашка уютно спал, негромко похрапывая. Киру что-то разбудило: сон или обломок какой-то мысли. Она никак не могла вспомнить, что это за мысль, но чувствовала, что некая важная деталь, которая днем ускользнула от ее сознания, ночью выплыла из глубин. Ухватить мысль не удавалось, и Кира раздосадованно прикусила губу.

Надо попытаться снова уснуть: завтра предстоит трудный день. Часы показывали два сорок восемь. Еще спать и спать. Но Кира чувствовала, что сон уже сбежал от нее. В голову полезли тяжкие мысли, и избавиться от них не было никакой возможности.

Она включила ночник и принялась читать. Сашу свет и шорох страниц совершенно не беспокоили, он всегда спал крепко, счастливчик. Книга была скучноватая, и Кира надеялась, что ее укачает. Напрасно. Она рассердилась на бестолкового автора, который ни заинтересовать читателя толком не смог, ни сон на него не навял своим творением. Раздраженно отшвырнув книгу, выключила свет: будем пытаться заснуть своими силами. Но, проворочавшись до пяти утра, Кира смирилась с неизбежным. Тихонько встала и отправилась на кухню. Телефон зазвонил в половине седьмого, когда она уже успела накраситься, уложить волосы, приготовить завтрак. Через полчаса проснется Саша.

— Привет, — немного смущенно пробасил знакомый голос, — не разбудил?

— Нет, Дэн. Я полночи не спала, в пять встала. Ты как?

— Ну, как, нормально... Алиска сказала, ты звонила. Извини, я сам-то, понимаешь ли, не помню. Перебрал вчера, вот и...

— Денис, не извиняйся. Что ты как неродной? Со всеми бывает. Жена сказала тебе, почему я звонила?

— Сказала. — Дэн глубоко вздохнул. — Я просто поверить не мог. И без того башка

трещит, а тут еще это... Кирюха, как же так, а? Болел он, что ли? А мы и не знали ничего. Или авария?

Кира вспомнила, что не уточнила Алисе, как именно умер Леня.

[Купить полную версию книги](#)